

Александр Грин

Слова

Александр Степанович Грин

Слова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055662

Аннотация

«„Если бы трава, солнце и река знали, могли знать, как я люблю эту девушку, – подумал Корвин, стараясь словами выразить невыразимое, проникавшее в него все глубже, по мере того как он, не отрываясь, смотрел на мелькающее среди весенних деревьев платье Лизы, – если б они узнали, – трава сделалась бы гуще и зеленее, солнце – больше, а река – шире“. Он довел эту свою мысль до конца, и ему захотелось отрывистых, проникновенных, случайных, ненадуманых слов, он засмеялся и легко вздрогнул...»

Александр Грин

Слова

I

«Если бы трава, солнце и река знали, могли знать, как я люблю эту девушку, – подумал Корвин, стараясь словами выразить невыразимое, проникавшее в него все глубже, по мере того как он, не отрываясь, смотрел на мелькающее среди весенних деревьев платье Лизы, – если бы они узнали, – трава сделалась бы гуще и зеленее, солнце – больше, а река – шире». Он довел эту свою мысль до конца, и ему захотелось отрывистых, проникновенных, случайных, ненадуманых слов, он засмеялся и легко вздрогнул.

– Ах ты, милая! – сказал Корвин, перешел аллею и поспешно зашагал навстречу девушке.

Она тоже увидела его и остановилась, прикрывая лицо рукой от яркого света. Пока Корвин не подошел совсем близко, лица их были совершенно серьезны, а сблизившись – открыто и весело улыбнулись. Корвин поцеловал ладонную ямочку влажной, покорной руки Лизы, потом забрал губами покрасневшее ушко, чмокнул и отпустил.

– О чем вы думаете эти дни? – спросила она, глядя его рукав. – У меня в голове сидят все важные, торжественные

и нелепые мысли.

– Лиза, – сказал Корвин, обнимая сильную, тонкую талию задрожавшей рукой, – я думал и продолжаю думать о том, что наш брак должен быть совсем особенный, чудесный, ароматный брак, цельный, как страстная молитва, возвышенный, знойный и радостный. То, что называется у других браком, – не любовь, а разложение тупа любви.

– Хорошо, милый, – сказала девушка. – Я согласна с вами всем существом. Это то, что я думаю, но меня такие мысли пугают: я боюсь их.

– Нет, – возразил Корвин, и то, что он стал говорить дальше, представилось ему таким сильным, значительным, что голос его пресекся от искреннего волнения. – Нет, Лиза, вы знаете, когда мы идем вот так, как теперь, изнемогая от любви, мы с вами уже не Елизавета Андреевна Плохоцкая и не Петр Иванович Корвин, а другие. Теперь мы настоящие – без имен и кличек, те самые, о которых мечтали и какими хотели быть. Это делает любовь. О, себя бояться не нужно и стыдно. Лиза, взгляните на Корвина благодарными, удовлетворенными глазами.

Некоторое время они шли молча, затем девушка остановилась, проговорив:

– Я боюсь не того, что любовь наша исчезнет, а наступления будней. Что отношения обесцветятся, перейдут в привычку.

«Послезавтра, в это самое время, я буду стоять в церкви

с ним рядом, а несколько посторонних людей, посредством бумаг, пения и торжественных фраз, сделают нас в глазах общества неразрывно принадлежащими друг другу, – подумала она, и необъяснимое смущение потупило разгоревшийся минуты назад восторг молодости. – Корвин мне еще не вполне близок, – работала мысль, – через два дня я еще только начну узнавать его как мужа и человека».

Тайный страх девушки перед мужчиной, соединяющий боязнь разочарования с самыми фантастическими ожиданиями и бессознательным трепетом жаждущего нежности тела, вдруг затемнил мысли, полные светлых планов будущего, спутал и смешал все. Как всегда, этот страх был неприятен Лизе, от него лицо, фигура и все существо Корвина делалось слегка чужим, односторонне враждебным. Прогоняя смущение, Лиза отстранилась от жениха, говоря:

– Мамаша похудела, пьет ландышевые капли и все твердит, что мне рано замуж.

– Старушки забывают, как жили сами, – ответил Корвин. – А знаете, я придумал вам новое имя.

– Какое же?

– Орешек.

– Ореховая девушка. Не очень удачно, – сказала она, ожидая большего.

– А почему – у вас глаза, и волосы, и ресницы орехового цвета, – пояснил Корвин. – Вам не нравится? А я это имя полюбил.

Они подошли к тому углу сада, где изгородь; падая по обрыву вниз, под ракетами, искрилась быстрая солнечная полоса воды; за гладким простором реки виднелся синий и голубой лес. Полдень жег лица.

– Теперь я пойду домой, – сказал Корвин. – К вам я заходить не буду, передайте поклон мамаше. Мы увидимся послезавтра.

– Послезавтра, – значительно произнесла Лиза, оставляя свою руку в руках Корвина.

Он поднес руку к губам и, незаметно целуя все крепче и выше, приблизился к лицу девушки; тогда, притянув друг друга быстрым объятием, они молча поцеловались долгим поцелуем; Лиза глубоко вздохнула, побледнела и освободилась, а Корвин почувствовал, как волна крови, подступив к горлу, перехватила дыхание, утомленный неразрешающею близостью женщины, он опустил руки, улыбнулся и снял шляпу.

– Милая Лиза, – проговорил он, – скоро мы будем одно. Да будет с вами покой.

– Петя, – тихо сказала девушка, приласкав взглядом уходящего Корвина. Корвин обернулся еще раз, прошел несколько шагов и в нерешительности остановился, удивленный тем, что уходит не с полным и легким, а со стесненным и беспокойным сердцем.

«Что со мной? – спросил он. – Предчувствие, что больше не будет счастья? – неожиданно вспыхнули дикие, пугающие

слова. — Чепуха, нервы не в порядке, — решил он. — Какой вздор!»

Испуг прошел, но оставался еще странный осадок, смесь грусти и раздражения. Чтобы успокоиться, Корвин стал думать обо всем положительном, данном ему жизнью. Он образован, у него есть состояние, на дворе безмятежный май, его любят, он любит... разве это не самое большое счастье? С этим он подошел к калитке и вышел на улицу.

II

Подходя к дому, в котором жил, Корвин испытал вновь суеверное чувство, заставившее его, против воли, несколько минут назад мысленно произнести суеверную фразу. На этот раз он не испугался, а подумал: «Вот что значит спать плохо две ночи подряд. И я стал чересчур много ходить». И, как бы подтверждая это, екнуло перебоем его не совсем здоровое сердце.

Солнце, впиваясь исступленным поцелуем в сухую от жара землю, жгло пустынную улицу. Прохожих не было; тонкая пыль, рассеянная в воздухе, делала перспективу сизой и выцветшей. Кусты крапивы, желтые одуванчики, неуклюжий деревянный тротуар, пропитанные вековой скукой, мозолили глаза; от картин этих веяло гигантским дневным сном, покоем расслабленности, связанной, жуткой жизнью. Большие зеленые мухи, дети нечистот, летали по фасадам домов.

Корвин поднялся на площадку деревянной, выкрашенной в желтое, лестницы, и верхняя ступенька скрипнула под его ногой унылым звуком. Скучный дневной свет заливал комнаты, натертый пол сильно блестел; в гостиной лежали не распакованные еще покупки: ящики, свертки, картонки. В растворенную дверь кабинета лез угол письменного стола с брошенной на нем книгой, в распахнутых окнах, за белыми складками занавесок, плыл, искрясь голубыми искрами, воздух. «Как тихо! – подумал Корвин. – И как грустно от тишины!»

Присев на стул, он убедился, однако, что настоящей тишины не было. Бесчисленные мухи чертили воздух; дремотное, певучее жужжание их разливалось везде: роями и поодиночке, вылетая на пыльные косяки солнца, сверкали они слюдой крыльев и вновь, под потолком или на столах, превращались в черные неугомонные точки, движущиеся как бы без смысла и определенного направления. Корвин следил некоторое время за ними, а затем, решительно потрянув головою, стал думать о молодой женщине, с приходом которой пустынные комнаты оживятся смехом, шумом женского платья, звуками полного голоса. Но думал он об этом не улыбаясь, холодно и, наконец, чуждаясь сам странной своей тоски, пустил в дело термометр. «Вы – здоровы, – сказал термометр, когда Корвин вынул его из-под мышки. – У вас 36 и 6».

В передней кто-то двигался. Этот тихий, вопрошающий шелест, услышанный Корвиным, напомнил ему о том, что,

входя, он забыл запереть дверь.

– Кто там? – вставая и застегиваясь, сказал Корвин. Шелест усилился. Незвестный быстро, как бы скользя, прошел залу, а Корвин, ступив на порог кабинета, запнулся взглядом. В этот момент судорожного кивка головы со стороны женщины он понял, что все рушится и исчезает и что вот-вот, сию же минуту, жалкая, истеричная глупость положения собьет его с ног, отравит и разорит.

– Так... вот как, – сказал он, путаясь в словах: – Я не ожидал? как угодно. – Прошрое, разделенное на отброшенное и принятое, стало одним.

«Это я, это мое прошлое», – сказал себе тысячу других мыслей Корвин, неподвижно глядя в бледное, жалко улыбающееся лицо. Было нестерпимо трудно двигаться и дышать.

– Я молчу, – злобно проговорил Корвин, – сядьте, пожалуйста, и говорите. Мне говорить нечего.

Женщина села. Недорогая новая шляпа, простой костюм, скрашенный хорошеньким кушаком и брошкой, оставляли впечатление желания нравиться. Выражение серьезного, с мелкими чертами лица оставалось насильственно спокойным. Глаза смотрели на Корвина, но взгляд их как бы не доходил до него, возвращаясь к созерцанию горя. Она помолчала, откашлялась и заговорила, часто останавливаясь, как бы забывая сказанное. Она не находила больше сил ждать вдали от него. Ранее она думала, что расстояние играет благотворную роль, а теперь известие о близкой женить-

бе перевернуло все. Прошлое ожило. Все, что он говорил ей в рассвете их любви, по-прежнему полно для нее значения и силы. Для любви нет времени, нет ушедших трех лет. Это было... вчера, а сегодня – она здесь. Или, может быть, он хочет, чтобы она повторила ему все песни, спетые им вчера?

– Как... вы разыскали меня? – спросил Корвин, вздрагивая от волнения. – Против воли не возвращается любовь, и вы знаете, что... и все-таки...

Он встал, перешел к окну, смотрел в ту сторону, где сильно и сладко билось третье сердце. «Спаси меня, Лиза, спаси, Лиза, Лизочка!» – мысленно сказал Корвин.

Никто не виноват. Все виноваты. Эта мысль была отвратительна и утомила его. За спиной знакомый молодой голос твердил слова упреков. Три года назад: лес, безудержные, льющиеся из самых ароматных хранилищ сердца слова убежденной любви – это было нетрудно вспомнить. Он вспоминал; смысл тех слов его был таков: «Жить и умереть вместе. Жизнь благословенная, смерть – радостная». Это сказанное три года назад одной женщине было сказано сегодня другой. Все было похоже: слова, голос, интонация, шепот и смех. Как будто давно, с незапамятных, седых времен один и тот же взволнованный голос твердит о счастье, а эхо его подхватывают Корвины и множат безгрешно-лживые слова, и нет в них силы и крепости. Нет силы и крепости в человеке.

– Ради бога... – сказал Корвин, поворачиваясь к женщи-

не, – Мария, моя Мария в прошлом, ради бога простите, и кончим. Нет любви.

– Все равно, – помолчав, сдержанно произнесла женщина.

Корвин подошел к двери, забыл, для чего нужно было пройти ему эти несколько шагов, и возвратился назад. Привстав, женщина замахала руками, затем оперлась левой о спинку дивана и, вся изогнувшись, словно усиливаясь сбросить одолевающую ее ношу, выстрелила в бок Корвину несколько раз. И на этот раз для Корвина в маленькой руке с прыгающим револьвером не было ничего смешного или мелодраматического. Он закричал по-детски, бросился в переднюю и упал, а падая – знал, что вот наступил момент упасть на пол и умереть. Тоскливый ужас, парализовавший тело, был больше сознания Корвина, а он не понял всей его силы. Он упал скорчившись, некрасиво и грузно, и легкий холодок начал быстро уничтожать его. Побежали последние мысли: кто-то, рыдая, поднимал его голову. А в самый последний миг Корвин услышал отчетливо, как тиканье карманных часов, возню мух, жужжавших на стеклах окон, опомнился, закричал грузным шепотом: «Лиза!» – и умер.